

К вопросу о проблеме обеспечения экономического суверенитета России¹

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к суверенитету государства как категории теории государства, отдельные его аспекты в условиях цифровизации и глобализации. Исследуется проблема десуверенизации государства. Анализируются идеи частичного отказа от государственного суверенитета, предлагаемые в научной литературе, а также появление такого содержащегося в международном праве элемента суверенитета, как ответственность за защиту внутри государства и за его пределами. В контексте рассмотрения суверенитета государства в целом рассматривается экономический суверенитет как его составляющая. В статье исследуются элементы экономического суверенитета государства, влияние на него цифровых технологий, анализируются риски его размывания под влиянием цифровизации, рассматривается и подвергается критике концепция «цифрового суверенитета». Особое значение вопрос обеспечения суверенитета государства в целом и экономического суверенитета в частности приобретает в условиях развития многополярного мира, формирования новых экономических союзов государств, усиления позиций валют разных государств.

Ключевые слова: суверенитет, цифровой суверенитет, экономический суверенитет, экономическая политика государства.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.183-191

Анастасия Игоревна МИНАЕВА,

ассистент кафедры
теории государства и
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
aiminaeva@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Сергей Александрович РОМАНОВ,

ассистент кафедры
теории государства и
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
saromanov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Андрей Юрьевич ФИЛИН,

преподаватель кафедры
теории государства и
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
ayufilin@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Anastasia I. MINAEVA,

Assistant of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

aiminaeva@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Sergey A. ROMANOV,

Assistant of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

saromanov@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Andrey Yu. FILIN,

Lecturer of the Department of theory of state and law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ayufilin@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

**On the Issue of Ensuring
the Economic Sovereignty of Russia**

Abstract. *The article examines approaches to state sovereignty as a category of state theory, its individual aspects in the context of digitalization and globalization, explores the problem of state desuverenization, analyzes the ideas of partial renunciation of state sovereignty proposed in the scientific literature, as well as the emergence of such an element of sovereignty as responsibility to protect within states and beyond, contained in international law. In the context of considering the sovereignty of the state as a whole, economic sovereignty as its component is examined. The article examines the elements of the economic sovereignty of the state, the impact of digital technologies on it, analyzes the risks of its erosion under the influence of digitalization, examines and criticizes the concept of «digital sovereignty». The issue of ensuring the sovereignty of the state in general and economic sovereignty in particular is of particular importance in the context of the development of a multipolar world, the formation of new economic unions of states, and the strengthening of the positions of currencies of different states.*

Keywords: *sovereignty, digital sovereignty, economic sovereignty, economic policy of the state.*

В условиях стремительного изменения политэкономической конъюнктуры одним из ключевых вызовов современному государству стало обеспечение государственного суверенитета. Так, Президент России В. В. Путин, выступая с обращением 21.02.2022 по поводу признания независимости Донецкой и Луганской народных республик, обратил внимание на важность проблемы десувверенетизации и указал, что Россия «никогда не поступится своим суверенитетом»².

² Путин назвал отличия между суверенным государством и колонией // URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/06/2022/62a1fbf39a79478868eacf78> (дата обращения: 31.01.2023).

Вместе с тем до недавних пор в политико-правовой науке XXI в. главенствовала парадигма «размывания» суверенитета, утраты актуальности суверенитета в качестве априорного признака государства на современном этапе развития. В работе американского политолога Ф. Фукуямы «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке» обосновывалась следующая позиция: вестфальская система международных отношений, еще в XVII в. закрепившая суверенитет и неприкосновенность национального государства в качестве неотъемлемых принципов политического взаимодействия, сейчас фактически разрушена и не соблюдается, поскольку то, что происходит внутри отдельных государств — в их внутреннем управлении, — часто оказывает большое влияние и на жизнь других членов международного сообщества³.

В этой связи многие как западные, так и отечественные теоретики государства развивали идеи о том, что частичный отказ от государственного суверенитета в пользу межгосударственной коммуникации является следствием установившегося мирового порядка — глобализации, которая характеризуется укреплением экономических связей между государствами, созданием транснациональной рыночной экономики и формированием глобальной системы безопасности.

С момента распада социалистического блока Российская Федерация на протяжении нескольких десятилетий пыталась встроиться в мир-систему в качестве полупериферии мировой экономики, выступая страной — донором природных ресурсов по отношению к ее центру и создавая вокруг себя собственную периферию на постсоветском пространстве.

Тем не менее, с учетом общих кризисных тенденций XXI в., рядом ученых были высказаны гипотезы о том, что вследствие усиления эксплуатации периферии мировой экономики ее центром, вызвавшей углубление глобального неравенства, торможение научно-технического прогресса и финансиализацию мировой экономики, интенсивность международных экономических связей неизбежно снизится, что будет сопровождаться ростом протекционистских тенденций и усилением политической напряженности в мире⁴.

Пандемия COVID-2019, прокси-война блока НАТО и Российской Федерации, рост популярности политиков правого толка, а также всеобъемлющий разрыв экономических связей между государствами наглядно демонстрируют, что данные гипотезы в полной мере реализовались на практике, в связи с чем полагаем необходимым говорить об окончании периода глобализации и переходе к новому мировому порядку, для характеристики которого в современной науке принято использовать термин «деглобализация» либо «сепарация».

Указанные процессы, в сущности которых заложен антагонизм глобализации, очевидно, и стали причиной повышения исследовательского внимания к теоретико-правовым концепциям государственного суверенитета, поскольку перед теоретиками и практиками поставлена задача поиска путей восстановления

³ Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. С. 54.

⁴ Комолов О. О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // ЭВР. 2018. № 4 (58). С. 50.

утраченного национальными государствами суверенитета, реиндустриализации и выхода из кризиса.

В этой связи следует отметить, насколько изменился сам подход к значению суверенитета, который в своем классическом понимании воспринимался как некое неотъемлемое свойство государства как системы политической власти, а ныне рассматривается как оценочная характеристика, которую, очевидно, возможно измерить как качественно, так и количественно. Причем можно с уверенностью говорить, что суверенитет в современном видении уже не рассматривается как некое неделимое свойство государства как его понимал Жан Боден⁵.

Так, если исторически под суверенитетом понималась независимость суверена (верховного правителя или народа как носителя власти) от иных лиц при принятии решений властного характера в целом, то в современной науке и политической практике принято разделять суверенитет на отдельные элементы: экономический, военный, научный, информационный и проч. При этом конкретное государство может быть как полностью суверенным, так и в определенной степени не обладать суверенитетом в части его отдельной составляющей.

Г. Кельзен⁶, Г. Г. Лаутерпахт⁷, Харт⁸ предлагали сосредоточиться на суверенитете в контексте правовой системы. М. Коскенниemi утверждает, что в свете этой стратегии «государство не может ссылаться на суверенитет для оправдания своих действий, но должно найти правовые основания, дающие ему право, свободу или компетенцию действовать определенным образом»⁹.

Позиции таких авторов, как Б. Кингсбери¹⁰ и Дж. Коэн¹¹, К. Хабермас¹², ориентируют в первую очередь на развитие международного права с целью осмысления функции государств как немонопольных носителей политической власти.

Необходимо признать несоответствие традиционного понимания суверенитета реалиям информационного общества и предложить решения для развития (трансформации, адаптации) идеи государственного суверенитета в информационной сфере.

Статья 2 (1) Устава ООН признает равенство всех государств как признак того, что они являются суверенными субъектами международного права. Формальное равенство всех государств подразумевает суверенитет, т.е. равенство в правах и обязанностях, а не в том, как они выполняются. О формальном равенстве государств в информационной сфере можно говорить только при обсуждении

⁵ См.: Боден Ж. Метод легкого познания истории. М. : Наука, 2000. С. 151.

⁶ Kelsen H. Sovereignty and International Law // Georgetown LJ. 1960. P. 627.

⁷ Lauterpacht H. The Nature of International Law and General Jurisprudence. *Economica*. 1932. P. 316.

⁸ Hart H. L. A. The Concept of Law. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press, 1994.

⁹ Koskenniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. Cambridge, CUP, 2005. P. 231.

¹⁰ Kingsbury B. Sovereignty and Inequality // EJIL. 1998. 9. P. 599.

¹¹ Cohen J. L. Sovereignty in the Context of Globalization : A Constitutional Pluralist Perspective. Besson and Tasioulas. P. 262.

¹² Habermas J. Die postnationale Konstellation. Politische Essays. Frankfurt/Main : Suhrkamp, 1998.

фактического экономического и технологического неравенства государств (например, по такому показателю, как степень проникновения информационных технологий).

С точки зрения защиты информационной безопасности государства формальное равенство с другими государствами не устанавливает требований к реальному равенству. С помощью современных технологий необходимо активно продвигать национальные интересы, поддерживая их в глобальном масштабе. Участие или неучастие государства в международных соглашениях, касающихся информации, таких как Регламент международной электросвязи (декабрь 2012 г., Дубай), не лишает государство суверенитета, но может быть напрямую связано с эффективностью национальной информационной безопасности и положением в международных делах.

Приведем яркий пример по вопросу трансформации суверенитета: в 1921 г. английский пароход «Уимблдон», зафрахтованный французской компанией Les Affréteurs Reunis, перевозил груз боеприпасов и артиллерии из Салоников на польскую военно-морскую базу в Данциге. Корабль дошел до Кильского канала, прежде чем Германия отказалась пропустить его из-за своего нейтралитета во время русско-польской войны. Однако Кильский канал перестал быть внутренним водным путем Германии, поэтому она была вынуждена пропустить судно¹³.

Дело касалось прохода судна через территорию Германии по Кильскому каналу, аналогия применима к трансграничным информационным потокам. Представляет интерес вопрос о юрисдикции государств в осуществлении контроля за реализацией государственного суверенитета при условии прохождения информационных потоков через территорию государства. Судом была сформулирована следующая позиция: обязательства, которые государства несут по международному праву, ограничивают государственный суверенитет. Информационные потоки являются частью глобальной информационной инфраструктуры. Только в границах, установленных международным правом, допускаются барьеры для свободного потока информации. Государства противостоят другим игрокам, обладающим регулирующей властью, что особенно ярко проявляется в информационной сфере.

Информационно-коммуникационные технологии сузили границы и пределы регулирования со стороны любого отдельного государства, сконструировав политико-правовую сферу информационного общества. Появление права управления Интернетом со его сложной многосторонней структурой продемонстрировало жизнеспособность легитимных и эффективных режимов, в которых государства могут быть лишь одним (безусловно, важным) из многих действующих лиц.

Утрата государством нормативного превосходства будет иметь пагубные последствия, так как «усилится неравенство, ослабнут ограничения на вмешательство, уменьшится важная роль государства, а мир будет разделен на зоны»¹⁴.

Существует и иная позиция: «Суверенитет — это структура, которая гибка и изменчива не только на международном уровне. Когда государства подписывают новые договоры и когда появляются новые сферы международной деятельности,

¹³ The SS 'Wimbledon' // PCIJ. Ser. A. No. 1. 1923. P. 25.

¹⁴ Kingsbury B. Op. cit. P. 599.

границы между внутренним и внешним также могут смещаться»¹⁵, что несколько меняет содержание суверенитета, но не отменяет его.

Процесс изменения суверенитета следует рассматривать как «возникновение нового дуалистического суверенного режима»¹⁶, нового глобального порядка. На примере Европейского союза утверждается, что государства теряют политическое влияние по сравнению с «постнациональной системой» из-за регионального сотрудничества¹⁷.

Для подрыва иерархии в отношениях между государством и личностью и урезания привилегий государства возникла идея «глобального конституционного сообщества», оказавшаяся одним из факторов, способствовавших разрушению регулирующей монополии государства.

Вызовы нашего времени, такие как массовые экстерриториальные перемещения людей, денег, товаров и информации, являющиеся результатом глобализации, некоторым образом затрагивают фундаментальную природу суверенитета.

Экономический суверенитет Российского государства как категория может включать в себя верховенство государственной власти и независимость от других государств при определении и реализации мер фискальной и финансовой политики (в частности, при регулировании так называемых цифровых финансовых активов); торговой политики (при выборе модели регулирования торговли, заключении различных международных торговых соглашений, установлении преференций или ограничений).

Особенно актуально на современном этапе развития общества определение государством своей научно-технологической политики в части приоритетных направлений развития науки и техники, кадровой политики, в особенности — подготовки национальных кадров IT-отрасли, выбора модели правового регулирования так называемой цифровой среды, обеспечения функционирования собственной внутригосударственной технологической инфраструктуры.

В настоящее время среди основных задач по «реализации направления, касающегося создания экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирования инновационного развития, а также совершенствования нормативно-правовой базы в этой сфере, является развитие технологий (в том числе технологий цифровой экономики)»¹⁸.

В этой связи представляются обоснованными мнения ученых относительно угроз научно-технологическому суверенитету государства, в частности из-за «привязывания национального производителя к зарубежным стандартам и комплекующим, а также встраивания его в мировую производственную цепочку с закреплением за ним производств с низкой добавленной стоимостью»¹⁹.

¹⁵ *Crowford J.* Chance, Order, Change : The Course of International Law. Hague Academy of International Law, 2014. P. 92.

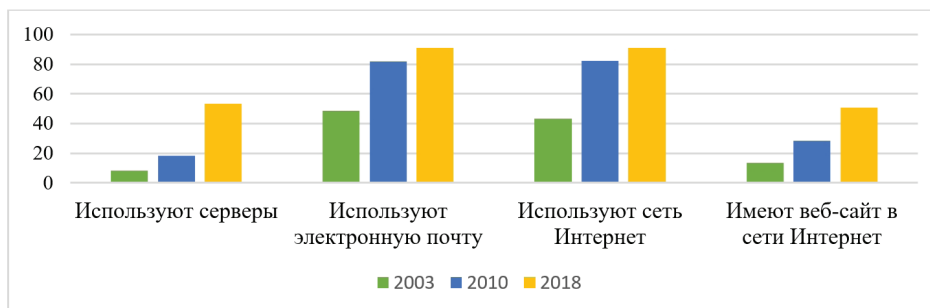
¹⁶ *Cohen J. L.* Op. cit. P. 262.

¹⁷ *Schiemann K.* Europe and the Loss of Sovereignty // ICLQ. 2007. 56. P. 487.

¹⁸ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Пп. 5 п. 18 // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2022).

¹⁹ *Болдырев О. Ю.* Экономический суверенитет государства: элементы и механизмы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3 (100). С. 151 ; *Комолов О. О.* Указ. соч. С. 50.

Статистические данные, приводимые Росстатом, свидетельствуют о том, что активно растет количество организаций, использующих цифровые технологии (в процентах от общего числа обследованных организаций)²⁰ (см. рисунок).

Частью процесса обеспечения государством экономического суверенитета должна являться поддержка независимости национальных организаций от иностранных государств в вопросе обеспечения технологической основы использования национальными компаниями объектов цифровой инфраструктуры для исключения риска отключения доступа и саботажа нормальной производственной деятельности.

Внедрение системы оказания государственных услуг посредством использования платформы (портал «Государственные услуги»), создания приложений «Мой налог» и т.д. привело к постановке вопроса о трансформации научных подходов в рамках теории государства, в частности к формированию категории «цифровой суверенитет», определение которой отсутствует в отечественной правовой науке.

Сама категория может предполагать множество контекстов: от рассмотрения цифрового суверенитета как возможности контроля государства над цифровыми данными и цифровыми технологиями до восприятия указанной категории как полностью свободного от государственного контроля особого пространства, связанного с использованием цифровых технологий и цифровых данных различными пользователями, операторами.

Полностью игнорировать активное внедрение цифровых технологий в систему государственного управления невозможно, однако необходим крайне осторожный подход к формированию таких категорий, как «цифровой суверенитет», поскольку очевидно, что верховенство государства на своей территории не может выражаться цифрами. Речь, скорее, идет о необходимости защиты именно «технологического суверенитета» как совокупности национальной, создаваемой за счет государственного финансирования и находящейся под контролем государства инфраструктуры, связанной с созданием собственных центров обработки данных, информационно-телекоммуникационных сетей, сетей электросвязи, программного обеспечения и технологий защиты всего вышеперечисленного.

²⁰ Официальная статистика использования цифровых технологий организациями по Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и видам экономической деятельности (с 2003 г.) // URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 18.02.2023).

Кроме того, обеспечение суверенитета государства в современном мире связано с необходимостью выбора модели правового регулирования, достаточной для создания именно внутреннего контура безопасности объектов критической инфраструктуры в целях исключения зависимости в этом от иностранных государств, похищения данных, нарушения прав пользователей при заключении различных сделок посредством цифровых технологий, незаконного оборота цифровых финансовых активов.

На современном этапе в условиях противостояния государств особое значение приобретает формирование такой экономической политики государства, которая направлена на поддержку национальной технологической платформы, а также экспорт технологических решений для создания, например, в рамках Союзного государства России и Белоруссии, не только единого собственно экономического пространства (в части, например, таможенных, валютных режимов), но и единого технологического контура.

Обеспечение экономического суверенитета государства (составляющая экономической функции государства) должно базироваться на построении стратегических целей государства, быть в органической связи с ними, на учете национального и зарубежного опыта регулирования экономики. Обеспечение суверенности государства связано с признанием определяющей роли государства в решении макроэкономических задач (роста производства, стабильности национальной валюты, вложения государственных средств в стратегически важные отрасли экономики, поддержки предпринимательства, сохранении государственного контроля за использованием природных ресурсов, обеспечении безопасности золотовалютного резерва, повышения благосостояния населения). Среди макроэкономических задач существенное значение имеет и создание собственного внутреннего технологического контура, как гарантии суверенности государства.

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года *экономический суверенитет* рассматривается как «объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств». В указанном определении воплощается реалистическая концепция суверенитета, в рамках которой государственный суверенитет рассматривается как проявление независимости государства в объективной реальности, его действительная способность самостоятельно определять политический курс, противодействовать вмешательству в его внутренние дела со стороны других суверенных государств.

Ценность такого подхода позволяет, с одной стороны, раскрыть понятие суверенитета как некой относительной категории, содержание которой меняется в разные исторические периоды и зависит от различных факторов развития общества и государства на данном этапе, и избежать при этом излишней юридической догматики²¹, а с другой — оценить фактическое состояние экономической, политической, социальной и идеологической подсистем в конкретном обществе и определить место государства в мир-системе на этапе деглобализации.

²¹ Филлин А. Ю. Государство в современных политико-правовых учениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2021. С. 9.

Последнее имеет особенное значение, поскольку для определения вектора развития и прогнозирования его результатов необходимо верно определить значение Российской Федерации в системе глобальных экономических связей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боден Ж. Метод легкого познания истории. — М. : Наука, 2000.
2. Болдырев О. Ю. Экономический суверенитет государства: элементы и механизмы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. — 2014. — № 3 (100).
3. Комолов О. О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // ЭВР. — 2018. — № 4 (58).
4. Официальная статистика использования цифровых технологий организациями по Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и видам экономической деятельности (с 2003 г.) // URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 18.02.2023).
5. Путин назвал отличия между суверенным государством и колонией // URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/06/2022/62a1fbf39a79478868eac78> (дата обращения: 31.01.2023).
6. Филин А. Ю. Государство в современных политико-правовых учениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — М., 2021.
7. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. — М., 2006.
8. Cohen J. L. Sovereignty in the Context of Globalization : A Constitutional Pluralist Perspective. — Besson and Tasioulas.
9. Crawford J. Chance, Order, Change : The Course of International Law. — Hague Academy of International Law, 2014.
10. Habermas J. Die postnationale Konstellation. Politische Essays. — Frankfurt/Main : Suhrkamp, 1998.
11. Hart H. L. A. The Concept of Law. — 2nd ed. — Oxford : Clarendon Press, 1994.
12. Kelsen H. Sovereignty and International Law // Georgetown LJ. — 1960.
13. Kingsbury B. Sovereignty and Inequality // EJIL. — 1998. — 9.
14. Koskeniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. — Cambridge, CUP, 2005.
15. Lauterpacht H. The Nature of International Law and General Jurisprudence. — Economica, 1932.
16. Malcolm J. Multi-stakeholder Governance and the Internet Governance Forum Perth. — Terminus Press, 2008.
17. Schiemann K. Europe and the Loss of Sovereignty // ICLQ. — 2007. — 56.
18. The SS 'Wimbledon' // PCIJ. — Ser. A. — No. 1. — 1923.